

Татьяна Левченко

Иллюстрация Сергея Дергачева

Огнёвка

Полдня пути от Северки остались за спиной. Начало темнеть, но разбитый в пыль Сибирский тракт казался белым. Лес расступился, дорога вывела к развилке. Никита задумался. Свернуть налево, попытаться счастья на Хрустальной Горе? Недалеко, и ночлег искать надо. Вон туча с юга ползет, зарницы сверкают. Да говорят, что хозяин карьера на Хрустальной — упырь. То не диво, конечно, все хозяйчики пьют кровь у работников, так или иначе. Может, оно и к лучшему, что люди про то знают, и много упырь не выпьет. Или податься на Крылатовский рудник? Платят на золотишке неплохо, и заправляет там не нелюдь, а просто мертвяк. Бледный, спокойный, равнодушный. Зато управляющие — звери, хоть и люди. Но все ж получше, чем как на Гумёшках в прошлом году. Там перевертню отдали в концессию медный рудник. И, как полная луна, — так он съедал кого-то из горняков. Зря он, конечно, это делал. Местные его поймали да зажарили на костре, пока в волчьей шкуре гулял. Наверно, и съели.

Только вспомнил про того оборотня — сразу почувял запах дыма. Тянуло костром и едой. И давно забытым — отцовским домом, горячим хлебом из печки. Зашлось сердце от тоски, да так засосало под ложечкой, что свернул Никита с дороги и зашагал к костру.

Конь, привязанный к телеге, щипал траву. Тишина перед грозой стояла — комара слышно. Хотелось поближе подойти, тайком разглядеть людей. Но дядька, что сидел у костра, вдруг встал и сам пошел к телеге. Достал что-то — и снова спрятал. Лицо в сумерках не разглядеть, ясно только, что немолодой уже. И не местный, в полосатом городском пиджаке, брюки на выпуск. У костра осталась девушка — может, дочка. Она что-то высматривала, словно уже заметила Никиту. Он отвернулся, чтоб не почувствовала взгляда.

Ясное дело, Никита не считал себя злодеем или вором. Но когда в брюхе второй день играет музыка, разве грех — прихватить кусок хлеба или еще чего? Надо только хорошенько раздуть костер, чтоб все потонуло во мраке, и тогда... Никита тихонечко дунул на огонь — и тот взлетел чуть не до неба.

Девушка вскрикнула. То ли силу не рассчитал, то ли дар этот — проклятый. Конь почувял чужака, заржал. Дядька обернулся:

— Что там за шутник прячется? А ну, выходи на свет! — и потянулся за головешкой.

Что ж поделывать... Никита неспешно подошел к костру, стянул шапку и с достоинством поклонился:

— Доброго здоровья! Пустите погреться у огонька?

— Помогай Бог! Да неужто замерз до ледышек? Огонь не купленный, садись. Знакомиться будем? Меня Василием Митричем звать, а это дочка моя, Оксана. Сам-то кто будешь?

— Никита Жаров я, с Северского карьера иду. Там новые цеха строят, добычу остановили. Хочу на Хрустальную Гору податься, — а сам напряженно всматривался в незнакомцев. Вроде разговорчивый этот дядька на разбойника не похож.

— А мы в Медное, на старый рудник.

— Разве его снова открыли?

— Ага...

Оксана отрезала ломоть душистого подового хлеба, протянула Никите.

— ...и пойми ты наконец — он тебя не съест, только глянет, — обернулся Митрич к дочери.

— Как глянет, так и отстанет! — раздраженно ответила Оксана, и добавила уже тихо: — Тятенька, может, вернемся в город?

— Не повезет с работой — вернемся. А пока — чтоб я больше не слышал! Вот ведь детки пошли... — Митрич вздохнул, — батька ей не указ. А ты, Никита, мотай на ус — я тихий, пока дочку не обижают. — И шепотом добавил: — Это если вздумаешь приударить, понял?

Никита кивнул и усмехнулся — хорошее начало знакомства.

Туча тем временем росла — и закрыла полнеба. Молнии зашлись в дивном танце, словно живые. Метили в верхушки корабельных сосен и разлетались ярким фейерверком. Ударил ливень — и сразу погасил костер.

— Чего сидишь, помогай! — Митрич с Оксаной бросились к телеге.

Грянула гроза, и тут же рядом полыхнула молния, аж душа в пятки ушла. Никита растерялся — что делать, куда прятаться. Вскочил и вместе со всеми начал разворачивать брезент... И тут заметил сверток — наверно, тот самый, что Митрич прятал. Потянул на себя. Крепкая рука схватила за запястье:

— Не умеешь — не начинай. Проваливай, пока цел!

От неожиданности Никита выронил сверток, тот раскрылся, и из холстины выскользнул в траву полуштоф горькой.

— Ты что же, снова за свое? — Оксана стала руки в боки, забывши про ливень.

Митрич смутился, даже вроде ниже ростом стал. А Никита наконец разглядел лицо Оксаны. И вдвойне стало стыдно за свой поступок.

— Простите, если сможете. Не вор я! — Он корил себя, да что ж теперь поделывать.

— Не гони его! — вдруг сказала Оксана. — Пусть хоть ливень переждет. — И бросила Никите: — Дурень ты! Брать у нас нечего, мы сами нищие.

— Пожалела... — пробурчал Митрич. — А зря. Хуже б не вышло. Только и знаешь, что с отцом спорить.

— Гроза утихнет — сам уйду. — Никита опустил глаза. — Я страх как тех молний боюсь.

Втроем залезли под телегу. Со всех сторон струились потоки, конь громко отфыркивался от воды. В зигзагах молний Никите мерещилось что-то живое, страшное и манящее одновременно. Он резко потрянул головой, представляя, как разгорается костер. Снова хотел немного добавить огня, но кострище дружно занялось.

Оксана охнула:

— Что это?

— Ты глвань, доченька, какой знатный гость! Что ж — неплохо!

— В детстве молния меня мало не зажарила, — словно извиняясь, сказал Никита. — Хоть и следа не осталось, но с тех пор вот это...

Митрич выкатил из костра уголек и начал раскуривать трубку.

— Раз такое дело, надо поговорить. Мы с дочкой едем на старый Шилово-Исетский рудник. Он лет сто как был затоплен, с катерининских времен. А тем летом немец Захарий Штор взял его в концессию, может, слышал? Выписал из заграницы чудо-насосы, и дело, говорят, наладилось. Но тут по медной жиле пошел рудничный газ. Обычно-то он в угольных шахтах бывает, а для медного рудника это невидаль. Меня позвали выкуривать тот газ. Опасная работенка, зато и жалованье неплохое. Раз ты способен на такие штуки с огнем, поехали вместе. Дело как раз для тебя.

— Нет, — насупилса Никита. — Я ограбить хотел, а вы ко мне с доверием?

Митрич улынулся:

— Я не из пугливых. И в людях немножко разбираюсь. Да и старый уже, помощник не помешает. Может, заодно и воровать разучишься — по ненадобности.

Никита снова помотал головой:

— Невезучий я. Куда ни приду, все не впрок. Я ведь и с Северского карьера ушел не потому, что цех остановился. Просто новый хозяин — водяной, и дурно ему было, когда я мимо проходил. Не хочу снова на нелюдь нарываться. Лучше батраком в село или зимогором стать, чем лезть под землю. Чтоб задохнуться или с голоду околеть, помощи не дождавшись? Не.

— Упрямый. Это хорошо. По-другому спрощу. Будь твоя воля — согласился бы избавиться от неудач?

— Спрашиваешь! А как?

— Сейчас не скажу, но средство есть. Для этого и надо ехать в Медное. Да скажи мне, какая разница, где та непруха подстережет? Или испугался? — Митрич хитро глянул исподлобья.

— Вот еще! Только «на слабо» меня не брать. Может, и соглашусь. А как это — выжигать газ?

— Он легче воздуха, без цвета и запаха. Прячется в тупиках, под кровлей забоя. В шахте он всегда есть. Но иногда из трещин и пустот его столько лезет, что аж скворчит. Англичане зовут его диким огнем, потому что похож на болотные огоньки. Я по молодости подался с приятелем на заработки в Германию, на угольную шахту. В городке поблизости и любушку себе нашел, на свидание собрался. Смена моя была, ну и поменялся с другом. Но как только их бадья ушла на шахтный горизонт, услышали мы дикий грохот. Земля задрожала. На-гора полетели камни... будто выстрел из пушки. Кто выжил, рассказывал, как смотритель поднял лампу — крепления проверить. А там газ. Ну и вспыхнул... Я не рад был, что спасся. Винаватым себя считал, что друг погиб. И вызвался выжигать газ. Когда-то таких называли покутниками — кающимися грешниками. Брал покутник факел и в мокром тулупе, в маске обходил галереи. Убедиться, что газа нет. Или что он есть. Если погибал, ждали, когда прогорит огонь и очистится воздух. Бывало, что покутник возвращался, но начисто лишенный рассудка. Вот и я считал себя таким покутником и лез в самые лихие места, лишь бы уgomонить совесть. Я смерти искал, играл с нею в прятки. Давнее дело — было, да сплыло. Теперь я осторожным стал, не хочется дочку одну оставлять. Надо ей пару достойную найти. Когда-нибудь старуха с косой обыграет... Но лучше сгинуть с факелом в шахте, чем от старческой немощи в постели. А что до друга — надеюсь, простил он меня на том свете... Теперь скажи — стоит оно того?

— Стоит! — помолчав, кивнул Никита.

— Пойдешь подмастерьем?

— А, была не была. Тем более, заживо сгореть мне не светит... Согласен!

— Славно! Только вот что я тебе скажу. Про твои дела с огнем — никому ни словечка! Даже не думай про это. Особенно если рядом окажется Захарий Штор.

Новых рабочих господин Штор лично встречал у собственного дома. Вдоль окон был настелен деревянный тротуар в два наката по бревнам — единственный такой во всем Медном. Сам Захарий — щуплявенький, небольшого роста, в наглухо застегнутой дорожной куртке, бриджах и высоких, до колен, сапогах-дудочках. Такой себе «колонизатор». Пробкового шлема не хватало. Штор приветливо кивнул Митричу, Никите и учтиво поцеловал руку Оксане. Говорил почти без акцента, давно жил в России и знал, что к чему.

Митрич подтолкнул Никиту вперед:

— Это мой товарищ и компаньон. Работа у газожига такая, что в любой момент можно с жизнью расстаться. Потому надобно напарника иметь. Согласен ли господин управитель принять обоих?

Штор поморщился и пробуравил Митрича недовольным взглядом:

— Ну ты нахал!

Митрич и бровью не повел. Тогда Штор выдавил на лице улыбку и протянул Никите руку:

— Хотя не было такого уговора, но соглашусь платить тебе как Митричу. При одном условии. Выпей со мною пива. Вон в том трактире.

— Странный вы господин! Но почему нет...

Выпили до дна, Штор взял кружку Никиты и с силой бросил на пол. Разлетелись черепки.

— На счастье! — усмехнулся Штор.

Но вдруг побледнел и зашелся кашлем. Никита чувствовал, как по спине побежали мурашки. Что-то непонятное случилось с ним в тот момент.

С тех пор Никита стал внимательно присматриваться к Штору. Тот держался просто, со всеми почти запанибрата. Вежливый и улыбчивый. Но вокруг него царил звонкая пустота. Кто он на самом деле — человек или нелюдь — трудно было сказать. Хорошо уже, что никого не ел. Временами разводил церемонии, был нарочито вежливым, а порою несдержанно шутил. И все время радостно улыбался, словно светился изнутри. Только после разговора с ним становилось людям нехорошо. Однако это быстро проходило.

Поблизости от рудника поставлен был длинный сруб под железной крышей, с наспех связанными рамами, в которых гулял ветер. Артельная казарма. Внутри — крошечные коморки, в каждой ютилось по два человека. Соседом Никиты стал седоватый пожилой дядька Нечай. В первый же день Никита застал Нечая за странным занятием. Тот вязал из соломы куклу-мотанку и ничуть не стеснялся своего занятия. Непривычными для такого дела руками с узловатыми пальцами Нечай старательно наматывал пряди льна, приглаживал и, прищурившись, рассматривал — нет ли изъяна.

— Зачем это? — удивился Никита.

— Скоро новый штрек начнем. А в таком разе надо у Огнёвки разрешение спросить. Иначе не просто не повезет. Она и погубить может.

— Огнёвка? Кто это?

— Заступница наша, берегиня. Добрым людям помогает, а лихому человеку лихо чинит.

— Так что ж она прячется под землей, если сильная такая?

— Потому что люди других богов нашли.

— А ты до сих пор в нее веришь?

— И не только я. Мы в дом ее врываемся. Вот и готовим подношения, все по очереди. Все лучше того, что вытворяет с нами Штор. Только ему о кукле — ни слова! Усек?

— Да усек. Что вы этого Штора так боитесь? Он силу отбирает?

— Если б только! Словно клоп, жирует с чужой удачей. Он пиво с тобой пил? Кружку об пол разбил? Вот! У каждого эта нелюдь ворует толику того, что вроде и забрать нельзя — понемногу упорства, везения, упрямства. Только Огнёвка — она сильнее Штора. Нашей Берегине молились еще те, кто в этих краях жил сотни лет назад. Теперь про нее забыли, но она от этого не стала слабее.

— С такого неудачника, как я, Штору нечего взять. Наоборот, наверно, ему не по себе стало. — И Никита громко захохотал.

— А догадываешься, чем Митрич расквитается? — грустно спросил Нечай.

Никита нахмурился и промолчал, почему-то сразу вспомнив об Оксане.

Разгулялись дожди, лес словно растворился в тумане, холодно стало, промозгло. Никита с Митричем медленно спускались в бадье на горизонт, в полумрак рудника. Под землей нельзя про горных духов вспоминать, страшно, когда вокруг вечная тьма и могильная толща земли. Но такими они с Митричем и были сейчас — настоящими горными духами. Волчьи шкуры до пят, мехом внутрь. И шапки по самые глаза.

Когда горняки поднимались на-гора, они вдвоем осторожно обходили рудник. В первый раз Никита не выжигал газ, только шел за Митричем след в след на отдалении. Учился. Тот держал на вытянутой руке длинный факел, трещавший и чадивший гарью. В тот раз лишь в дальнем «рукаве» рудника под кровлей скопился газ, где вся руда уже была выбрана. Газу было столько, что от факела он не вспыхивал, а дрожал язычками. Они висели в воздухе и в самом деле смахивали на огоньки, что гуляют ночью по кладбищам.

— Митрич, а ты Огнёвку видел? — спросил вдруг Никита, разглядывая язычок пламени, плывший прямо перед глазами.

— Не болтай про такое в руднике, — строго сказал Митрич. — Пошли отсюда. А то надышимся так, что и Огнёвку скоро увидим. Давай, шевелись!

— Подумаешь! А если она красивая? Возьму да женюсь.

— Вот я тебя сейчас оженю! — Митрич примерился к толстой палке, валявшейся под ногами, но Никита уже дал деру...

Дело нехитрое, скоро Никита в одиночку выжигал газ. Хотя была еще одна причина, по которой Митрич редко стал спускаться в рудник. Он все больше прикладывался к бутылке и уже не прятался от Оксаны. Твердил, правда, что так надо. Что у пьяного Штору нечего взять. Пусть так, только навеселе к их делу тоже приступать нельзя. Штор урезал Митричу плату, однако не гнал. А газа становилось больше. Когда Никита поднимался на-гора — не только тулуп и шапка покрывались копотью, лицо тоже было как у горного духа. До рассвета дым из выработки успевал уходить через устье ствола. Оседала гарь, и новая смена приступала к работе.

Штор построил три аккуратных домика для горных инженеров, из которых один пустовал. Его отдали Митричу с дочкой. Удивлялись сначала, почему Штор терпит пьянчугу. Но вскоре на въезде к руднику появились ворота с вывеской: «Zeche Охапа». На родине Штора шахты с женскими именами были обычным делом. Но тут горняки потихоньку смеялись.

— Ты разве не знал? — удивился Нечай. — Митрич хочет Оксану отдать за Штора. Потому и привез с собой. Штор овдовел, собрался тут жениться да осесть. Знать, Оксана ему по нраву — говорят, проходу не

дает. Только ей он, видать, не по вкусу. А может, кто другой на уме. Вот Митрич и сорвался в горькую — и Штора боится, и дочку жалко.

Нечай рассказывал, как о чем-то забавном. Но Никита надолго задумался после этого разговора.

На «горизонте» всегда влажный прохладный воздух. Мерцают фонари, а вокруг — будто дымка. Вот однажды кто-то забыл фонарь по ту сторону дымки. И показалось Никите, что прозрачное облако превращается в фигуру. В женскую фигуру. И шепчет, обращаясь к нему:

«Выбирай, кто тебе дороже!..» — словно эхом отдается в голове.

Никита чувствует, как по спине катится холодный пот, настолько ему страшно. Опрометью бежит к бадье — и на-гора, на свет, где никто не бормочет в уши. И сразу видит Оксану. В последнее время она почти всегда рядом. Может, чтоб не видеть пьяного отца. Или...

— Почему ты бледный?

Никита понял, что даже гарь не скрывала страха, который только что пережил. «Пусть бледный, зато живой».

Оксана подошла вплотную к нему и коснулась рукой щеки. Нежно так, будто Никита ее любимый. Горняки смотрели, смеялись исподтишка, но Оксане это не мешало. Словно тоже была чуточку пьяна.

— Ты хороший, — тихо сказала, почти шепотом. — Повезет той девушке, что влюбится в тебя. Но ты не слушай меня сейчас, что-то тяжело на сердце. Скажи дяде Нечаю, что вечером приду. — И пошла прочь.

— Вот девка! — с восторгом сказал кто-то из горняков. — Не только Штору, и черту отпор даст. А с этим дурнем такая ласковая... Эй, Никита, проснись!

— Что?

— Да застыл, говорю, как соляной столб. — И горняк захохотал.

Вечером Оксана пришла в их комнату и нерешительно встала на пороге, держа клетку с маленькой желтой птичкой. Нечай засуетился, прибираясь в холостяцком жилище.

— Это канарейка. На угольных шахтах без нее не идут в забой. Возьмите под землю, когда тот штрек пробивать начнете. Пока поет — ничего не бойтесь. А замолчит — быстрее на-гора! Храни вас Бог! — И убежала.

— Никита, не проворонь ты свою долю, — хлопнул по плечу Нечай. — Открой глаза! Она же по тебе сохнет.

— Нравится она мне. Очень... Да ведь не зря ее именем Штор рудник назвал. Может, и свадьба скоро?

— Разве ж это не от тебя зависит? — подмигнул Нечай.

Настал день, когда по приказу Штора начали пробивать новый штрек. Пока ставили крепь, дядька Нечай рубил небольшие ниши и прятал в них куклы-мотанки.

Первые дни все шло отлично. А дальше посыпалось как из мешка... То поплывет крепь, то появится газ именно там, где Никита или Митрич его только что выжигали. Одним этот газ казался сладковатым, другие говорили, что пахнет грибами. И не просто пахнет, а

таким густым казался воздух, что из него преспокойно можно было сварить грибной суп. Бывало, газ выдавливал слезы, а временами вызывал безудержный смех. И лишь Никите все было безразлично. Потому что видел то, что не дано увидеть никому.

Однажды выжигал Никита газ под кровлей наклонного штрека. Вдруг факел погас. Пока снова зажег — повело в сторону, закружилось перед глазами... Упал без памяти. Надышался. Спасло то, что выработка круто забирала вверх. Как только скатился, сразу пришел в себя. Что-то огненное мелькнуло — и погасло. Помеялось или нет? Никита увидел большой валун, через который не смог бы перекатиться сам. Оглянулся — так кто же его спас? Пусто в руднике.

С тех пор Никите чудилась вдалеке огненная девушка необычайной красоты. Словно манила за собой. Может, и в самом деле влюбилась, почуяла родную душу. После смены она снилась, а ночами он искал ее в руднике, и не просто так, а мечтал жениться. Ее не спросив? Ну и что! Шепот ее — нежный, манящий — заставлял забыть обо всем на свете. Где бы ни увидел эту фигуру, упрямо шел за ней, в самые опасные места. Но каждый раз она пропадала, словно дразня...

Но про Оксану тоже не забывал... Видел — и мечтал о ней. А стоило спуститься в рудник, и все мысли — только про Огнёвку. Сначала над ним смеялись, потом хотели от рудника отлучить. Кому нужен безумный газожег... Вот так и разрывался «между двух огней». И сам не понимал, чего хочется больше.

Однажды Никита увидел, как Штор подошел к Оксане, грубо взял за руку и что-то сказал. Она насупилась, вырвала руку и быстро ушла. Никита разозлился:

— Отстань от нее!

— Иначе что? — тихо спросил Штор и улыбнулся: — Разве Оксана невеста твоя? Все говорят, что у тебя там... ну, с Огнёвкой дела.

— Что?

— Постой! — Штор увидел, как побагровело лицо Никиты. — Может, опрокинем по рюмочке и все обсудим? Согласен?

«Хочешь все силы вытянуть из меня? Попробуй!»

Они направились к трактиру.

— Оксана мне нравится. — Штор не поднимал глаз от бокала. — И я умею ждать. Когда-нибудь она сама поймет. Или Митрич уговорит. Все равно по-моему выйдет. Зря ты путаешься под ногами. Так что, пьем твоё здоровье?

— Пьем! — И вместе подняли бокалы.

Никита выпил — и первым с размаху бросил бокал. Словно взорвались осколки, а Штор побледнел, схватился за стол, а потом бессильно рухнул на пол. Сразу подскочил услужливый хозяин, помог подняться. Но Штор оттолкнул его.

— Берегись! — тихо предупредил Никиту и поплелся домой.

Никита чувствовал, как мышцы наливаются силой. Все, что украл у других Штор, текло сейчас перед ним огненной рекою. И только удары сердца отдавались в голове. Выдержит ли он все это?

Чудес в руднике становилось больше. Последней каплей стал пирит, от золота почти неотличимый. Между горняками начались драки. Шептали, что это Огнёвка не пускает. А Нечай искоса, с подозрением, поглядывал на Никиту.

Тот однажды не выдержал:

— Может, скажешь, что не так?

Нечай смутился, но взгляд выдержал и чуть ли не с угрозой изрек:

— Это твое невезенье гуляет по руднику!

Никита растерялся и не знал, что ответить.

Вскоре к Захарии Штору отправились старшины с просьбой остановить проходку. Штор встретил делегатов, сидя в кресле, — бледный, слабый, но взгляд злой.

— Вот вы где у меня! — И показал сжатый кулак. — Захочу — возьму то, без чего не жить! Так что не дурите, продолжайте работу. А с Огнёвкой вашей я разберусь. Только с уговором — пусть Митрич сделает, что обещал. Или голодранцу дочку отдашь?

Старшины повернулись к Митричу.

— Не нужна ему Оксана, — мрачно ответил тот. — Никита в облаках витает. Да и не отдам я дочку за газожега.

— Ну что ж, Митрич, еще поговорим. А сейчас — живо все на рудник!

Замолкла канарейка, и на минуту повисла тягостная тишина. А потом все побежали к бадье, чуть не обрывая сигнальный канат. Нечай крестился и подгонял коня, крутившего подъемную лебедку.

— Что случилось? — крикнул Никита.

— Сейчас рванет!

Никита запрыгнул в бадью, шедшую вниз, за теми, кто еще оставался в руднике, и сразу бросился к тому штреку. Навстречу бежали люди, едва не сбивая с ног. Остановился, взгляделся в темноту — и вдруг увидел, как издали несетя огненная волна. Еще немного — и спасения не будет. Он крикнул:

— Прости их, Берегиня! Если кто виноват, то только я. Меня забирай, а их — не надо! — И со страхом закрыл глаза...

Огненная волна остановилась за полшага. Вокруг бушевало пламя, переливаясь от ярко-желтого до багрового. А потом медленно отступило. Посыпались камни, запирая штрек, вдалеке с грохотом рухнула крепь...

Никита потерял лампу, на ощупь по памяти добрался до ствола. Но вернулся живой и здоровый, только волосы опалил. Оксана молча прижалась к нему, обняла и ни слова не сказала. Никита думал о своем. Огонь окутал, не зацепил. И сквозь пламя будто слышались слова:

«Все хорошо, я с тобой... Я всегда рядом».

Ту силу, что забрал у Штора, Никита отдал. Да и свою тоже. Зато все живыми вышли из рудника. Но только ленивый теперь не болтал, что беда от Никиты перешла на рудник. Что его невезение всему виной. Что вредил, а не спасал... Глядели хмуро, искоса. Никита догадывался, кто разболтал, но было уже все равно.

Митрич, на удивление трезвый и злой, спросил:

— Ты почему не выжег газ?

— Ну как... Все же знают. Девушку там увидел, быструю и яркую, как молния. — И подмигнул.

«Пусть считают сумасшедшим, нечего терять».

Митрич не ответил, только глянул странно...

Когда ушла гарь, Никита снова спустился в рудник.

Долго бродил по опустевшим выработкам, где когда-то впервые увидел свою Огнёвку, наяву или во сне. Но ее не было нигде.

Утром Штор отправил посыльного в Екатеринбург. Сам закрылся в доме и до вечера не показывал носа. Приехали два полицейских чина. Недолго поговорили со Штором — и направились к рабочей казарме.

— По твоей вине не выжжен газ, что причинило великие убытки концессии господина Захария Штора. Утром поедешь с нами в город, в участок. Дальше суд, и все — тюрьма.

Никите связали руки, хоть он бежать не собирался. И виноватым себя не считал. Заперли в чулане, куда сажали буйных выпивох.

Штор прислал мальчишку к Митричу — сказать, что утром ждет Оксану. Не придет — ее воля, только Никите хуже будет. Пусть решает.

Митрич оцепенело сидел за столом, до белых косточек сжимая кулаки.

— Прости меня, доченька, — наконец вымолвил он. — Не того я хотел.

Оксана глянула так, что Митрич надолго замолчал. Когда поужинали и погасили свет, тихо вышла из дому и помчалась к казарме. Отдышалась, еще раз про себя повторила то, что должна была сказать. И громко постучала в окошко. Так, что стекло задрожало.

Выглянул сонный Нечай.

— Дяденька, дело у меня. Про Никиту хочу поговорить.

Нечай выскочил сразу:

— Что ты, дочка, задумала?

— Дяденька Нечай, ведь ночью в руднике никого? Опустить меня туда, где Никита Огнёвку видел.

Нечай помолчал, покачал головой:

— Думал, толковое что скажешь. Нечего тебе в руднике делать. Там, гляди, в любую минуту обвал случится. — И собрался уходить.

— погоди! — Оксана схватила его за руку. — Я знаю, что делаю. И ты тоже знаешь, что так надо.

— Ох, и зря я тебя слушаю... ладно, пойдём. Хотя вряд ли Никитке теперь сможешь... Но, может, хоть дурость свою искуплю — то, что растрезвонил про его неудачу.

Пока бадья, покачиваясь, медленно опускалась по стволу, над головой еще проглядывал кусочек неба. Пусть темного, но светлее той темноты с запахом гари и гнилой земли, что обнимала со всех сторон. Едва бадья коснулась дна, стало жутко. Если с Нечаем что случится — останется она здесь навсегда... Огонек лампы не спасал. Ноги подгибались, дрожали, но идти надо. Только куда? И как найти обратную дорогу? Может, и правда, глупости все. Может, дернуть веревку,

как договорено, и Нечай сразу поднимет на-гора. К свету и жизни...

«Нельзя! Решила идти — держи слово».

Как будто не сама, а кто-то сказал рядом. И Оксана зашагала дальше.

Впереди мелькнул свет. Показалось? Нет, вот еще раз. Даже не свет, а словно проблеск молнии. И снова. Оксана двинулась навстречу, но остановилась, когда увидела странное создание. Стройную женскую фигуру. Неустойчивая, она колебалась, как призрак, но невозможно было глаза отвести. Жуткая и притягивающая. Не живое существо, а словно отблески костра на стене.

Оксана сразу забыла все резкие слова, какие хотела бросить Огнёвке.

— Отпусти Никиту! — попросила тихо. — Зачем он тебе?

— Никиту... — прошелестел голос. — Твой Никита нравится мне. Он не боится того, что людям видеть нельзя. И знает, что огонь — тоже жизнь, и умеет с ним разговаривать. Но он человек. А с человеком мне быть нельзя. Никак! Что ж, Оксана, говори, чего хочешь.

— Спаси его! Ты все можешь, я знаю, ты наша Берегиня!

— И люди кое-что могут. Вот, смотри.

Огнёвка двигалась быстро и легко. От ее шагов словно искорки рассыпались. Где мелькнёт Огнёвка — там оставались желтые блестящие крупинки.

— Золото? Зачем оно мне? Золотом счастья не купишь.

— Здесь в каждой крупинке — горячие слезы тех, кто это золото добыл и сгинул. Лучшего нет лакомства для нелюди, подобной Штору. Живые этого не чувствуют, да вам и не нужно. Оставь себе, сколько надо, а остальное отдай Захарю. Дальше он сам все сделает. — И Огнёвка исчезла.

— Спасибо тебе, Берегиня!

— Пришла! — обрадовался Штор, встретив Оксану в дверях. — Дорогая ты моя... не дождалась рассвета.

— Я Никиту выкупить хочу. Вот... — И тяжелое золото громынуло на стол.

Штор какое-то время стоял в нерешительности, глядя то на Оксану, то на золото. Потом взял маленький самородок, покатал и взвесил в руке, потер, поцарапал ногтем, даже понюхал. Наконец попробовал на зуб.

— Так вот почему она не пускала в тот штрек. Тут же в каждой блессточке — сила на сотню лет.

— Ты про Никиту не забыл?

Штор отмахнулся:

— Забирай своего голодранца, пока я добрый!

Штор бросился к руднику, растолкал сладко спавшего сторожа и показал на лебедку, что опускала бадью:

— Крути шарманку!

Тот опустил его на горизонт. Заклятое золото валялось прямо под ногами. Штор уже набил полные карманы и еле волочил мешок, пора и честь знать. А Огнёвка будто дразнила, вводила все дальше. Штор оказался в тупике. На всю высоту сверкали огромные

самородки. Но мешали столбы крепления. Вовремя под руки попало кайло, Штор принялся отчаянно рубить. Пока его не погребло под завалом...

С тех пор Огнёвка не показывалась никогда. Да и золота в Шиловском руднике больше не находили. Насосы перестали гонять воду, и скоро выработку затопило. А вот щуплого человечка с факелом все чаще стали видеть на разных приисках. Ближе он к себе не подпускал, лицо рассмотреть было невозможно. Может, человек, а может, тень маячила вдаль, предупреждая, куда лучше не совать носа. Поговаривали, что так искупает вину мелкий злой дух. Который из-за жадности на долгие века обречен отдавать то, что когда-то не по праву захватил.

Никита с Оксаной сыграли свадьбу. Митрич остался в Медном. Понравилась ему места. А Никите что-то мешало ходить мимо заброшенного рудника. Может, Огнёвку вспоминал, может, и еще что... Вернулись в Екатеринбург.

Золота самородного хватило на покупку хорошего дома. Оксана немного скучала по дядьке Нечаю. Поэтому научилась вязать из соломы куклы, которые охотно раздавала. Ведь кукла — та же Берегиня. Поговаривали, что Оксанины игрушки исполняют небольшие, но самые искренние, желания. Никита клал каминь, каменки и печки, ведь он умел договариваться с огнем. В их комнате, рядом с колыбелью, всегда пела канарейка. Жили они не сказать, чтобы богато, но и не бедствовали. Много ли человеку надо... Главное, любовь у них была, а золото — это так, мелочи.